

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ СЕМИНАР СЕКТОРА ЭТИКИ

5 апреля 2011 – 15:00

С.С. Аванесов

КАНТ И ШОПЕНГАУЭР О БЕСЦЕЛЬНОСТИ ПРАВСТВЕННОГО ДЕЙСТВИЯ

Тезисы доклада

Кант является последовательным приверженцем идеи автономности морали. Закон, открываемый и предписываемый разумом воле (то есть *самому себе* в своём практическом применении), есть «собственное всеобщее законодательство» воли, иначе говоря, такой закон, в котором совпадают частное («*собственное*») и универсальное («*всеобщее*»). Этот закон «дан в нас», установлен как «данный собственным разумом», то есть имеет источник в трансцендентально наличном. Всякое данное (*как бы ни было оно дано*) не может быть осмыслено иначе, как через понятие *природы*, то есть через понятие «существования вещей, подчинённого законам». Ноуменальный уровень бытия определяется Кантом как сверхчувственный «порядок вещей». Поэтому интеллигибельный мир есть лишь «сверхчувственная *природа*», выражающая себя как способность индивидов к «существованию по законам», не зависящим от эмпирических условий их применения, то есть сообразно «автономии чистого разума». Эта *автономия* и представляет собой «основной закон сверхчувственной природы и чистого интеллигибельного мира». В этом пункте обнаруживается один из главных недостатков кантовской этики: автономность – это всегда *само-достаточность*, скованность собственным законодательством, это закрытость, исключаящую всякую действительную трансценденцию, то есть *подлинную* свободу.

Сохранить нравственную автономию можно, по Канту, только одним способом: заставить разум не полагать цели *для* воли (при каковом полагании воля стала бы лишь средством), а иметь эту волю «*самоё по себе*» в качестве *внутренней* нормы (её-то Кант и называет «целью»). Такая норма именуется *долгом*. Долг есть необходимость совершения поступка единственно «из уважения к закону». Поступок из чувства долга совершенно не предполагает *предмета* воления; он совершается не «*для* чего», а «*по* чему». Значит, в итоге, это действие не связано с *созиданием* заданного (идеала, нравственной цели), но имеет характер *выражения* данного, повторения обнаруженного морального а priori –

трансцендентального «порядка», той самой «природы», о которой говорилось выше. Определять волю может при этом лишь закон (объективное определение) и «чистое уважение» к этому закону (субъективное определение). Но «законы свободы» устанавливает сам практический разум. Следовательно, ценным в кантианской этике признаётся только тот поступок, который представляет собой *бесцельное* действие автономной и безличной воли. Этическое «бескорыстие» поступка оказывается онтологическим выражением замкнутости «места действия», следовательно, зна́ком повторения наличного.

Неявное исчезновение морального субъекта у Канта явно обозначено и обосновано в философии Шопенгауэра. Во всяком индивидуальном поступке выражает себя универсальная воля. Эта воля как «мировой принцип» вполне «бессознательна» и не имеет никакой *разумной* цели; это «злое, саморазрушительное стремление, голая и голодная агрессивность». Только эмпирический *деятель* (то есть волящий) в своих поступках руководствуется основаниями (целями, мотивами); «сама же воля лежит вне области закона мотивации» и «не имеет основания» вне себя самой, поэтому её и можно назвать «*безосновной*». Следовательно, воля безосновна не только в отношении её источника, но и в отношении её цели.

Воля как сущность сущего есть хотение того, что отсутствует в момент хотения; это не есть хотение хотеть, ибо воля есть в наличии только тогда, когда она *уже* хочет. Если же воля, таким образом, *есть* как действительно воля, то она *сейчас* хочет; но тогда она по своей сути, как «состояние неудовлетворённости», хочет (*в пределе*) только одного – *не хотеть*. Воля как таковая *стремится успокоиться в безволии*; действующая (подтверждающая себя) воля есть *по сути* действительное самоотрицание. Чистая воля, таким образом, есть воля к собственной гибели. Поскольку же эта чистая воля есть подлинная сущность всего сущего, постольку эта сущность сущего состоит в *природном предопределении к смерти*.

Понятие *чистой воли*, как видим, лучше всего означает *бесцельную автономность наличного*. Эта автономность сущностно имперсональна. Таким образом, учения Канта и Шопенгауэра о бесцельности нравственного действия могут быть поняты как два взаимосвязанных «проекта» имперсональной этики, общей сутью которых (при всей несхожести их эксплицитных оснований) является *идея экзистенциальной автономии*. Эта идея не только искажает суть нравственности (представляя её не как служение ближнему, а как *служение закону*), но ставит под сомнение и саму реальность субъекта нравственного действия; это особенно очевидно, когда идея автономии индивида разворачивается в теорию автономности мировой основы. Отрицая подлинность

аксиологической мотивации человеческого поступка, указанные «проекты» с необходимостью оказываются в оппозиции ко всем вариантам *персоналистической* этики.